

Епископ Борисовский и Марьиногорский Вениамин

Пастырь во дни войны и великой смуты

К 100-ЛЕТИЮ ПОДВИГА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА ВОСТОРГОВА

Сто лет назад советская власть провела показательный расстрел, вошедший в историю как начало кровавого «красного террора». К высшей мере наказания за монархические взгляды были приговорены несколько человек. Среди них два православных и один католический священник, а также два бывших министра. Последние, самые тревожные годы жизни одного из казненных — видного московского священника протоиерея Иоанна Восторгова — удалось восстановить по сохранившимся проповедям, статьям и воспоминаниям о нем современников.

Февраль 1917-го: «А что, если мы ошибались?»

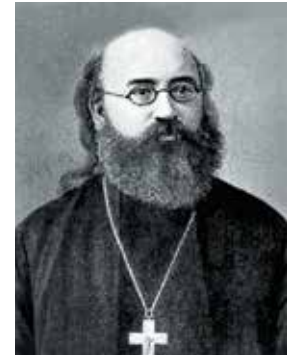
Во время Первой мировой войны часть Московского епархиального дома, в которой проводились занятия Московской учительской второклассной школы, была занята ранеными и беженцами. Но заведующий школой протоиерей Иоанн Восторгов, хотя и значительно позже обычного (10 октября 1915 года), сумел организовать занятия. В начале 1915 года отца Иоанна постигло тяжелое горе — скончалась его супруга. К личному горю отца Иоанна добавилась скорбь из-за неудач на фронте, но во всем этом пастырь видел действие премудрого Промысла Божия и в этом находил утешение и себе, и пастве: «Я много виноват в том, что всегда как бы торопил жизнь и события: и вот Господь теперь поторопил меня в скорби»¹ (имеется в виду преждевременная кончина супруги. — *Примеч. авт.*).

Когда в середине 1915 года после неудач на фронте в Москве начались немецкие погромы, протоиерей Иоанн Восторгов был очень встревожен. В происшедшем он увидел опасность

зарождения междоусобной брани: «И в толпе, предавшейся погромам, мы слышали призывы: “Идите! Теперь мы делаем дело святое” <...> В этом одном слове “теперь” сколько сокрыто смысла! А что же это не “теперь”? <...> А прежде, десять лет назад, это были бесчинства, беспорядки... грабежи, оправдываемые не наказанием наших врагов немцев, как это видим теперь, а требованием якобы справедливости...»². В грубой и своевольной расправе с немцами, самоуправстве и беззаконии пастырь видит не русское свойство, не христианское дело, а проявление идей социализма, провокацию.

Между тем положение России катастрофически ухудшалось: неудачи на фронте, с каждым днем разрастающиеся волнения в народе. Протоиерей Иоанн Восторгов предвидел, что в стране назревает смена власти, и изо всех сил, словом и делом, боролся с антигосударственными течениями. Он молил Бога, чтобы переворот произошел не во время войны, а после...

Позже, в начале октября 1917 года, отец Иоанн признается, что Февральской революцией был поражен в самое сердце, был ошеломлен и подавлен: «Переделать себя мы не могли и не хотели, но никогда наше одиночество не казалось нам до такой степени горьким, страшным и беспросветным... Являлась назойливая, убийственная мысль: а что, если мы ошибались? А что, если мы были не правы? Как можно было жить дальше с этою отчаянной, назойливой идеей? Нам представлялось, что мы поставлены лицом к лицу с неизбежной переоценкой наших ценностей. Правда, против этого всеми силами своими восставала наша душа, протестовал наш инстинкт»³. Но во имя веры, во имя России протоиерей Иоанн Восторгов смог

**В НАЧАЛЕ ОКТЯБРЯ
1917 ГОДА
ОТЕЦ ИОАНН
ПРИЗНАЕТСЯ, ЧТО
ФЕВРАЛЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИЕЙ БЫЛ
ПОРАЖЕН В САМОЕ
СЕРДЦЕ, БЫЛ
ОШЕЛОМЛЕН
И ПОДАВЛЕН.**

покориться происшедшему, не стал врагом новой власти, не стал мстить, а устранил все то личное, что могло внести осложнения в «тогдашнее течение дел»⁴. Хотя он и сознавал: «Мы могли бы быть опасными новому строю, потому что нам терять было нечего, а с такими людьми нельзя шутить, ибо они легко могут заменить силу любви такой же могучей силой ненависти»⁵. К тому же, всегда являя пример послушания священноначалию, отец Иоанн подчинился решениям Святейшего Синода.

Март 1917-го: «Арестовать Восторгова»

Сознавая себя «врагом революции» на том основании, что революция во время войны ведет государство к гибели, протоиерей Иоанн Восторгов не стал активно выступать против нее, так как считал междоусобную брань «самой страшной бедой для государства»⁶. Превозмогая свою подавленность и растерянность в связи с происшедшими событиями, отец Иоанн 5 марта 1917 года, руководствуясь решениями Синода, обращается

к пастве со словами поучения, объясняя, как нужно относиться чадам Церкви к совершившемуся гражданскому перевороту и к новому строю жизни. Он подчеркивал, что в повиновении новому правительству «не только нет никакой измены бывшей присяге, но заключается прямой долг». Отказ же от такого долга может ввергнуть страну «в бездну беспорядков, насилий, грабежей — делает и нас виновниками, ответственными за такое зло». Повиноваться властям следует во всем, кроме веры и того, что влечет за собой измену вере и заповедям Христовым. Пастырь надеется, что это будет его последнее слово, посвященное вопросу гражданскому: «Отныне мы, пастыри, будем говорить и поучать только о предметах святой веры и учении святой Церкви, а за родину и власть будем усердно молиться, повинуюсь им по долгу совести в делах земного устройства жизни»⁷.

Часть духовенства питала иллюзии, что с отречением царя положение духовного сословия улучшится, так как ослабнет мелочная опека со стороны государства. Поэтому священнослужители не протестовали в связи с отречением государя от престола, сделав вид, что поверили в добровольность этого акта. К тому же в среде духовенства также проникли революционные идеи, что выразилось в нежелании священников подчиняться своим благочинным, как «лицам полицейского цеха»⁸.

На шестой день после отречения государя, 7 марта, Московский столичный совет благочинных под председательством протоиерея Иоанна Восторгова постановил «единогласно и единодушно, во имя пастырского и патриотического долга, подчиняться Временному правительству и последовавшим в этом направлении распоряжениям высшей церковной власти»⁹. И 9 марта 1917 года Святейший Синод обратился к народу с призывом оставить всякие распри и довериться Временному правительству¹⁰.

Отношение отца Иоанна к новой власти — Временному правительству — определялось позицией, занятой Святейшим Синодом, признавшим ее законной. Но внутренне он оставался преданным монархии как соответствующей христианскому общественному идеалу. Недовольство протоиереем Иоанном прозвучало на состоявшемся в Епархиальном доме 6 марта собрании московского духовенства. Из зала раз-

давались слова: «Восторгова следует арестовать. Читать его писания не желаем»¹¹.

Порицание отцу Восторгову прозвучало и на собрании Союза объединенного духовенства и мирян 27 марта 1917 года: «публично дает подписку на верность Временному правительству, а сам агитирует в народе против него». Собрание высказало пожелание, «чтобы отец Восторгов был удален совсем из клира Московской Церкви как элемент в ней пришлый и совсем нежелательный»¹².

Надо сказать, что с падением царской власти отцу Иоанну приходилось переносить множество насмешек и нападок. В то время «только ленивый не запускал кома грязи в того, кто пал, только ленивый не старался сделать подножку тому, кто случайно остался на ногах»¹³. Тяжесть его положения усугублялась еще и тем, что в марте 1917 года ему запретили писать и издавать свои книги, отстранили от редактирования «Московских церковных ведомостей», а 15 апреля был произведен обыск в Епархиальном доме с изъятием неугодной литературы¹⁴.

Даже не имея возможности продолжать свою пастырскую деятельность в Москве, протоиерей Иоанн Восторгов тревожился положением на фронте, где к тяготам военной жизни, по свидетельству одного из солдат, прибывшего с фронта, добавлялись еще и пугающие вести с тыла. Солдат всячески развращали, внушали неверие в благополучный исход войны. «Вы нас совсем бросили, — обращался вернувшийся с фронта к пастырям, — идите к нам, учите нас, поддерживайте в нас веру, помогайте бороться с пороками, с развратом»¹⁵. Все это способствовало тому, что в первой половине апреля, по сообщению «Русской воли», протоиерей Восторгов «подал прошение в штаб одной из дивизий румынского фронта о разрешении занять должность полкового священника в частях, расположенных в передовой линии фронта»¹⁶.

Желание пастыря не сбылось, прошение не удовлетворили. Несмотря на это, отец Иоанн продолжает свое служение. Но 18 апреля 1917 года газета «Утро России» сообщала: «Управляющий Московской епархией преосвященный Иоасаф (Каллистов) распорядился уволить протоиерея Восторгова от обязанностей благочинного при храме Василия Блаженного

ЧАСТЬ ДУХОВЕНСТВА ПИТАЛА ИЛЛЮЗИИ, ЧТО С ОТРЕЧЕНИЕМ ЦАРЯ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ УЛУЧШИТСЯ, ТАК КАК ОСЛАБНЕТ МЕЛОЧНАЯ ОПЕКА СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА.

и редактора «Епархиальных ведомостей»; а храм приписали к соседнему благочинию»¹⁷.

Это увольнение произошло, вероятно, под давлением Временного правительства, так как позднее, в 1918 году, в одном из рапортов Святейшему Патриарху протоиерей Иоанн Восторгов писал: «Со времени февральской революции лишен всех должностей еще Временным правительством и оставлен только бесприходным священником в соборе Василия Блаженного и бесплатным секретарем совета Миссионерского общества», в должности, которую исполнял с 1915 года и до момента ареста¹⁸. В рапорте Святейшему Патриарху Тихону от 15 марта 1918 года протоиерей И. Восторгов писал: «Я уволен не за служебные, судом и следствием доказанные преступления или неисправности, а по каким-то другим, службы не касающимся соображениям»¹⁹.

Октябрь 1917-го: «Мы — враги революции»

За несколько месяцев, прошедших после Февральской революции, проявилась ее несостоятельность. Пастырь-проповедник считал своим долгом высказать соображения по поводу происходящих событий. «И вот теперь для нас наступил момент нашего горького торжества. Теперь мы, наши убеждения, наша вера оправдана всем, что происходит вокруг нас...» В газете «Церковность» с болью в сердце он говорит о том, какие горькие плоды принесла революция, и заявляет: «Да, мы — враги революции»²⁰. Но это не означает, что проповедник призывал активно выступать против революции: «Мы слишком мирные люди, наши недруги могут быть спокойны». Но в то же время он сознавал: «Наша кровь, может быть, теперь скоро будет пролита, возможно, скоро начнется гонение на Церковь»²¹. «Кровь прольется, зарево пожаров озарит всю землю Русскую». Между тем это только предкрестие, это не есть еще крестные, искупительные страдания России, потому что нет в народе «отрезвления, нет сознания близкой гибели <...> вера тает, храмы пусты; над христианством издеваются»²², говорил своей пастве отец Иоанн. В тягостном ожидании грядущих бедствий он старается объединить ревнителей Православной Церкви из клира и мирян и с этой целью в августе 1917 года организует со-

юз «Церковность». Он должен был содействовать устройению церковной, общественной и частной жизни паствы (на началах строгой православной церковности и священных канонов), распространению и укреплению православного христианского вероучения и нравственности. Но даже в случае гонений на Церковь пастырь призывает не сопротивляться злу насилием. Тем не менее проповедник предупреждает возможных гонителей: «Бойтесь суда Божия, бойтесь народного гнева!»²³.

Если даже протоиерей Иоанн, глубоко верующий и самоотверженный пастырь, при виде происходящих в стране событий испытал минуты душевного изнеможения, невольного сомнения и маловерия, то что же происходило тогда в душе простого человека? Пастырское слово отца Иоанна ободряло унывающих, укрепляло маломощных в вере, предостерегало сильных от самоуверенности и всем указывало путь ко спасению. «Нашею молитвою, проповедью жизни во Христе и Его законе, вечностью Церкви, смирением, кротостью, взаимною уступчивостью и любовью, признанием чужих прав и уступкою прав своих утишиться может жизнь»²⁴. В противном случае проповедник предупреждает: «Вразумит нас Бог междоусобной бранью, кровью, резнею, нищетою, бедствиями и ударами, столь тяжкими, о которых говорится в Евангелии и которые вызовут наши вопли: “Горы, падите на нас, и холмы, покройте нас!”»²⁵. Спасение для России отец Иоанн видит и в предстоящем избрании Патриарха, известие о котором он воспринял с радостным волнением и слезами.

Как церковный проповедник протоиерей Иоанн Восторгов совсем не касается «ни нового, ни новейшего правительства (ни Лениных, ни Керенских), ибо между ними по существу и нравственной значимости нет ни малейшей разницы». Своим делом отец Иоанн считает «только указать и подчеркнуть нравственные выводы и законы для верующей души, как они выдвигаются жизнью»²⁶. Он внимательно следит за всем тем, что пишут, печатают, говорят, и с болью замечает, что нет пока в обществе отрезвления, хотя все твердят, что есть²⁷.

В начале декабря 1917 года протоиерей Иоанн Восторгов предупреждает: «Впереди для Церкви стоят еще и еще черные дни». И поэтому научает,

ПАСТЫРСКОЕ СЛОВО ОТЦА ИОАННА ОБОДРЯЛО УНЫВАЮЩИХ, УКРЕПЛЯЛО МАЛОМОЩНЫХ В ВЕРЕ, ПРЕДОСТЕРЕГАЛО СИЛЬНЫХ ОТ САМОУВЕРЕННОСТИ.

как правильно себя вести в те дни: «Отстаивать и отвоевывать имущество Церкви силою, с крестом в руках, с Евангелием и книгами святых отцов нельзя. Отобранию имущества надобно будет покориться... Но, если совсем вздумают упразднить веру, упразднить пастырей... мы должны сказать и говорить в таком случае словами апостолов, которым их иудейское правительство строго воспретило проповедь об Иисусе: “Судите сами, можем ли мы вас слушать более, чем Бога” (Деян. IV, 19). “Мы не можем”»²⁸.

Важно то, что пастырь-проповедник мужественно осознает, что духовенство во многом заслужило гонение и в этом отношении не отличается от буржуазии, суда, интеллигенции, газет, деятелей печати — от всех тех, кто также получает теперь должное и по заслугам, «ибо весь этот ужас все сами готовили и призывали». Он говорил и писал порой довольно резко и открыто, защищая права Церкви или обличая грехи человеческие. Нравственными вопросами, поднимаемыми в проповедях, он еще с первых месяцев новой власти задевал и обличал во грехах почти каждого представителя этой власти: «Допустимо ли насильем отнимать имущество у Церкви, у богатых людей, жечь имения собственников и землевладельцев — и все это якобы во имя блага народного? Допустимо ли обещать свободу слова — и за каждое слово смелое расстреливать; обещать свободу печати — и закрывать газеты, отбирать типографии, захватывать чужую бумагу?...»²⁹.

Февраль 1918-го: «Смерть смотрит нам в очи»

Характер проповедей протоиерея Иоанна Восторгова резко изменился в связи с объявлением Патриаршего послания от 19 января, в котором все верные чада призывались встать на защиту Матери-Церкви в дни воздвигнутых на нее гонений. Пастырь не призывает на путь восстания, бунта или к физической борьбе за Церковь, хотя призывы его по форме и походили на воззвания Минина и Пожарского. «Все — в молитвенные собрания, самые многолюдные, на улицы и площади!.. Из храмов мы не уйдем, от молитвы и богослужения нас оторвать не могут. Пусть переступают тогда чрез наши мертвые тела. Пусть расстреливают нас, расстреливают детей и женщин. Пойдем с крестами, иконами, безоружные, с молитвами и песнопениями, — пусть Каины и Иуды нас убивают!»³⁰. В этих словах нет и тени политики. Проповедник призывает к подвигу исповедничества, предостерегая, что все должно быть «в свете Божьего нравственного закона, и все без злобы и насилия!.. Пусть решаются идти на подвиг борьбы только те, у кого властно говорит о сем сердце. Пусть отойдут боязливые и робкие»³¹. В своих проповедях протоиерей Иоанн Восторгов касался советской власти в области Декрета о свободе совести, указывая те пункты декрета, которые не могут быть приняты христианской совестью верующих. «Вы знаете, что незаконным правительством нашим, никем не признанным

Место гибели и захоронения священномучеников — жертв красного террора будет увековечено

Епископ Ефрем (Кузнецов) и протоиерей Иоанн Восторгов в числе восьми десятков казненных 5 сентября 1918 года стали первыми жертвами красного террора. Долгое время как точное место казни священномучеников, так и возможное расположение их захоронений не было известно. Московский ученый Григорий Анащенко по благословению архимандрита Дамаскина (Орловского) провел поисково-исследовательскую работу. В ходе скрупулезного анализа житийных текстов святых и множества воспоминаний свидетелей трагедии, мемуаров потомков жертв

красного террора и духовных чад отца Иоанна автор с точностью до нескольких десятков метров определил место казни первых жертв красного террора: южный сектор примыкания 2-й Песчаной улицы к Новопесчаной улице, занятый с 1950-х годов сквером и жилыми домами. По словам председателя Комиссии по исследованию подвига новомучеников и исповедников и увековечению памяти почивших священнослужителей Московской (городской) епархии протоиерея Кирилла Каледы, уже получено патриаршее благословение на осуществление проекта по установке здесь памятника.

и самозванным Советом народных комиссаров, самолично объявлен декрет, т. е. указ, закон об отделении Церкви от государства, а в сущности, как увидим, о гонении на Церковь и полном ее уничтожении»³². Такие фразы были вполне согласны с так называемой дарованной революцией «свободой слова и печати», хотя на деле подвергали опасности благополучие и жизнь автора, как неугодного в глазах новой власти. «Мы знаем, — говорил отец Иоанн, — и имеем факты, что нынешние правители арестовывают за каждое непочтительное о них слово. Рискуя и эту насильническую карю, мы, однако, должны говорить правду».

В газете «Церковность» от 11 февраля 1918 года протоиерей Иоанн Восторгов открыто писал: «Борьба, борьба и борьба — вот наш и ваш долг... Тем же, кто решится в нынешнюю страшную годину идти бестрепетно на защиту Церкви против штыков и выстрелов современных насильников, советуем для укрепления духа поисповедоваться и причаститься. Ибо наступило грозное время. Смерть смотрит нам в очи. Аминь»...

Решимость, основанная на любви к Церкви и послушании ей, звучит и в следующих словах отца Иоанна: «Есть область — область веры и Церкви, где мы, пастыри, должны быть готовы на муки и страдания, должны гореть желанием исповедничества и мученичества, а вы, пасомые, должны составить около пастырей ту дружину, которая обязана в единстве всецерковном бороться за веру и Церковь. К этому и призывает нас теперь наш общий отец Святейший Патриарх всея России»³³. Тем более что начинался религиозный подъем в народе, который отмечал в своих проповедях отец Иоанн, особенно перед Пасхой 1918 года. Произошло некоторое отрезвление, поворот в настроениях русского образованного общества в сторону Церкви и религии. «Верим, — писал пастырь, — что это благое настроение не кратковременное»³⁴. «Народ — крестьяне и рабочие, конечно, еще пируют после грабежей и обильного насыщения деньгами. Но уже начинается и здесь отрезвление, начинает говорить их совесть»³⁵.

Особенно сильным было слово отца Иоанна, сказанное 9 (22) мая 1918 года по случаю крестного хода из московских церквей к чудотворной иконе святителя Николая на Никольской башне Кремля. Оно, наверное, и переполнило чашу тер-

Епископ Борисовский и Марьиногорский

Вениамин (Виталий Иванович Тупеко) родился 16 сентября 1968 г. в г. Лунинце Брестской обл.

В 1985 г. поступил в Белорусский государственный университет. В 1987–1989 гг. служил в армии. По окончании третьего курса Минской духовной семинарии в 1994 г. принят в число братии Успенского Жировичского монастыря. В 1996 г. поступил в Минскую духовную академию, преподавал в семинарии. В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию: «Протоиерей Иоанн Восторгов. Жизненный путь и богословское наследие».

14 декабря 1999 г. возведен в сан игумена, 20 мая

2006 г. — в сан архимандрита. В 2005–2009 гг. — благочинный Жировичского монастыря, с 1 июля 2009 г. — наместник Благовещенского Ляденского мужского монастыря. Решением Священного Синода от 5 марта 2010 г. избран епископом Борисовским, викарием Минской епархии. С 26 июня 2014 г. — председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации и заместитель председателя Церковного суда Белорусского Экзархата. Решением Священного Синода от 23 октября 2014 г. назначен преосвященным Борисовским и Марьиногорским.

пения большевиков. К пастырю был подослан провокатор, представившийся купцом первой гильдии Погаревым, имеющим желание купить (либо взять в длительную аренду) церковный дом в Москве. Подобные сделки с церковным имуществом были запрещены советской властью. Как секретарь Миссионерского совета отец Иоанн обязан был выслушать предложения Погарева, принять его заявления и представить их на рассмотрение Миссионерскому совету, возглавляемому Патриархом Тихоном.

Власти сочли действия о. Иоанна поводом к аресту. Этот арест был одним из многих в поднявшейся волне открытого гонения на Церковь. Газета «Известия ВЦИК» поместила статью «Коммерческая сделка Патриарха Тихона, протоиерея Восторгова и К^о», в которой сообщалось, что «дальнейший ход следствия обнаружил, что уголовные деяния черносотенцев самым тесным образом связаны с политической контрреволюционной деятельностью»³⁶.

Знакомство со следственным делом протоиерея Иоанна Восторгова убеждает, что оно велось явно тенденциозно и священник ясно понимал и цели чекистов, и средства, какими

они действовали. Десять томов содержат в себе много постороннего материала, и некоторые листы имеют пометки «к делу не относятся». «Все обвинение, — писал в следственную комиссию протоиерей Иоанн Восторгов, — построено исключительно на единственном показании неведомого Погарева, какого-то самозванца, мифического существа, и не имеет за собою ни единого другого стороннего и объективного доказательства в виде документов, вещей и т. п.»³⁷. Несомненно, что еще задолго до ареста Иоанну Восторгову уже был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение 5 сентября 1918 года. Расстрел знаменитого московского проповедника протоиерея Иоанна Восторгова вместе с епископом Ефремом (Кузнецовым) и бывшими министрами представители новой власти объявили актом красного террора³⁸. Промыслом Божиим сохранилось для нас описание кончины осужденных.

В эмигрантском журнале «Двуглавый орел» в 1922 году был напечатан отрывок из воспоминаний эсера, сидевшего в это время в Бутырьках. Он встретил там заключенного, который знал обстоятельства кончины известных монархистов, в том числе и протоиерея Иоанна Восторгова.

Однажды конвоиры объявили, что на завтрашнее утро — 5 сентября 1918 года — предстоит «важный расстрел» попов и министров. На следующий день прояснилось, о ком шла речь. Это были епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов), протоиерей Иоанн Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, бывшие министры внутренних дел Н. А. Маклаков и А. Н. Хвостов, председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов, сенатор Бельский³⁹. Накануне в тюрьме пастырь исповедовал всех. У могилы по просьбе отца Иоанна палачи разрешили осужденным помолиться и проститься. Встав на колени, они горячо молились, после чего подходили под благословение преосвященного Ефрема и отца Иоанна, а затем прощались друг с другом. Протоиерей Иоанн Восторгов остается верен себе и здесь: произнося последнее пастырское слово-напутствие, он призывает всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести свою последнюю жертву. Глаза себе он запретил завязывать. Сказав: «Я готов!», — и решительно направился к могиле.

«Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу. Палачи приступили к остальным своим жертвам». Позже они высказывали глубокое удивление поведением отца Иоанна Восторгова и бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, поразивших их своим хладнокровием и мужеством⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Церковность: Прил. к журн. «Православный благовестник». № 222. С. 3.

² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ РФ). Н-21. Т. 6. С. 46.

³ Церковность: Прил. к журн. «Православный благовестник». № 339. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. № 331. С. 3–4.

⁸ ЦАФСБ РФ. Н-21. Т. 9. С. 31.

⁹ Церковность: Прил. к журн. «Православный благовестник». № 331. С. 2.

¹⁰ Русская земля: прил. к журналу «Верность». М., 1917. С. 27–28.

¹¹ ЦАФСБ РФ. Н-21. Т. 9. Л. 28.

¹² Правда веры и жизни: житие и труды священномученика протоиерея Иоанна Восторгова / сост. свящ. А. Гумеров. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. С. 43.

¹³ Церковность: Прил. к журн. «Православный благовестник». № 339. С. 8.

¹⁴ ЦАФСБ РФ. Н-21. Т. 1. Л. 108.

¹⁵ Любимов Н. А., протопресв. Дневник о заседании вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) / Протопресвитер Н. Любимов // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сб. докл. о жизни РПЦ в годы революции. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 95.

¹⁶ На фронт // Нижегород. церковн.-обществен. вестн. 1917. № 11. С. 6.

¹⁷ ЦАФСБ РФ. Н-21. Т. 9. Л. 47.

¹⁸ Там же. Т. 2. Л. 28.

¹⁹ Богословский сборник. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. Вып. 6. С. 284.

²⁰ Церковность: Прил. к журн. «Православный благовестник». № 339. С. 8–10.

²¹ Там же. С. 10.

²² Там же. № 335. С. 18.

²³ Там же. № 339. С. 11.

²⁴ Там же. № 340. С. 43–44.

²⁵ Там же. С. 44.

²⁶ Там же. № 341. С. 8.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ Там же. № 348. С. 6.

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Там же. С. 14–16.

³² Там же. № 349. С. 1.

³³ Следственное дело Патриарха Тихона: сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 286.

³⁴ ЦАФСБ РФ. Н-21. Т. 3. Л. 37.

³⁵ Там же. Л. 38.

³⁶ Коммерческая сделка Патриарха Тихона, протоиерея Восторгова и К^о // Известия ВЦИК. 1918. № 116.

³⁷ ЦАФСБ РФ. Н-21. Т. 2. Л. 115.

³⁸ Вострышев М. Патриарх Тихон / Михаил Вострышев. М.: Мол. гвардия, 1997. С. 133.

³⁹ Степанов А. Д. Черная сотня: взгляд через столетие / Анатолий Степанов. СПб.: Царское дело, 2000. 136, [8] с. (Библиотека православного монархиста). С. 65–66.

⁴⁰ Новые мученики Российские: первое собр. материалов: [в 2 т.]. Т. 1 / сост. протопресв. М. Польский. Jordanville (Нью-Йорк): Тип. прп. Иова Почаевского; Свято-Троицкий монастырь, 1949. С. 191–192.